

РАЙСКИЕ ЗВУКИ

Радиоспектакль «Сцены из московской жизни» на «Радио России». В отличие от сценических театральных постановок, которые доходят до кондиции не менее чем за три месяца, радиоспектакль рождается за три дня. Причем актеры работают один день, а дальше — дело техники

Слова: Жанна Зарецкая. Картинки: Владимир Постнов

День первый: дружная компания

Если бы не стол с двумя компьютерами и не подмигивающая разноцветными огоньками стойка справа от него, можно было бы подумать, что петербургские актеры пришли сюда сдавать экзамен. Обычно, встретившись друг с другом, они принимаются судачить об общих знакомых, шутить или сетовать на судьбу (в зависимости от склонности характера). А в комнате с табличкой «Аппаратная звукозаписи» сидят по стеночке, как школьники, и напряженно читают с каких-то листков: Анна Алексанина из Театра им. Ленсовета, Александр Васильев и Ирина Цветкова из Театра комедии. Если переговариваются, то тихонько и непременно о том, что читают. А громкие голоса раздаются откуда-то из-за моей спины — мужской и женский: они сочно, бодро и отчетливо произносят текст, о котором мечтает каждый артист, потому что написан он так, что слова сами в рот просятся, как какое-нибудь пирожное с кремом. Трилогия Островского о Мише Бальзамине — генетическом родственнике Емели или Ивана-дурака, которому без всяких заслуг и без особого труда достается-таки богатство и безбедная жизнь, — из лучших комедий для театра. И пока не развернешься наконец на 180 градусов, лицом к компьютеру, чувствуешь такое, что слушаешь трансляцию готового радиоспектакля. А развернувшись, видишь стеклянную стену, а за ней

актеров Лиану Жванию и Владимира Баранова у микрофона. У них в руках тоже страницы: они, оказывается, с листа читают, импровизируют с легкостью заправских джазовых музыкантов.

В последнюю очередь обращаешь внимание на сидящих за столом посреди комнаты режиссера Светлану Кореникову и звукорежиссера Алексея Худякова. Светлана, даром что режиссер, вмешивается в процесс только как регулировщик на трассе: «Ира, свеха!» И Ирина Цветкова незаметно выскальзывает из двери, и вот уже в комнате звучит напористый говорок Акулины Гавриловны Красавиной: «Я, что птица вещая, даром не покажусь!» И Жвания с Цветковой начинают выплетать такие узоры интонациями, что и Островский им уже не указ. «Вы просто придумали сейчас текст», — говорит режиссер, отсмеявшись. «Зато живенько», — парирует Цветкова. И то ведь правда.

Выскакиваю, чтобы отловить тепленьким, прямо от микрофона, артиста Баранова, то есть Бальзаминова. «Ну как?» — спрашиваю, потому что ощущение, что такая вот работа с листа смахивает на экстремальный спорт, все-таки есть. И оно не ошибочное, как выясняется. «Да так, — выдыхает Баранов, — у кого-то руки, может, и не трясутся, а у меня вот...» И точно: бумажный листок в его руке дрожит, как осиновый. «Так отказались бы, — говорю. — К чему такие нервы?» «Да как же? Я всю жизнь мечтал Бальзаминова

На радио актеры импровизируют с листа: репетиций здесь не бывает

сыграть, да и состарился. А у меня свое решение есть. И ведь слушают радиотеатр. Вот прихожу недавно в зуборрачебный кабинет сороковой поликлиники (известная поликлиника для творческих работников на Невском. — Прим. ред.), а мне там говорят: „Слушаем-слушаем вас“. „Ну, — отвечаю, — тогда давайте заморозки побольше“».

Возвращаюсь в аппаратную, а тут проблема образовалась. Актриса, которая должна была горничную богатой невесты Антрыгиной Машу записывать, прийти

«Я всю жизнь мечтал Бальзаминава сыграть, да и состарился. И ведь слушают радиотеатр. Вот прихожу недавно в зуборрачебный кабинет сороковой поликлиники, а мне там говорят: „Слушаем-слушаем вас“. „Ну, — отвечаю, — тогда давайте заморозки побольше“»

не смогла. «А давайте Лиану Дмитриевну попросим». Актриса из корифеев Лиана Жвания, которая только что писала дородную матушку, соглашается немедленно. Уже там, за стеклом, у микрофона, поглядев на Алексахину — Антрыгину, которая стоит с ней плечом к плечу, призадумывается: «Ань, у нас же с тобой похожие голоса. Что делать-то будем?» «Ну, я пониже попробую», — отзывается партнерша. Тут я отвернулась от микрофона, и вообразив живо нарисовало нечто противоположное тому, что видели глаза. Вместо точеной Алексахиной — пышнотелую Антрыгину с чувственным грудным голосом, вместо царственной Жвании — шустрюю сметливую девчонку с милым лопотком. Как мне потом объяснил звукорежиссер Леша, такие чудеса легко делаются с помощью техники: даже дал послушать, как детский голосочек актрисы Марианны Мокшиной сильно занизили и заставили поскрипывать, когда та записывала старушку в одной сказке. Но актеры, которые без всякой техники демонстрируют эдакие метаморфозы,

видимо, заслуживают своего артистического рая, где между текстом и актером не стоит никто.

От первых лиц

Режиссер Светлана Коренникова рассказывает, что репетиций при подготовке радиоспектакля не бывает. И не потому что актеры настолько самоуверенны, причина гораздо банальнее: репетиции не оплачиваются. Так что от режиссера в данном случае тоже требуется высший пилотаж, и вот какого рода. Нужно подобрать актерскую компанию и текст, чтобы в итоге то и другое приладилось друг к другу без зазоров и заработало точно, как микросхема. Работа редактора также не оплачивается, так что сокращение пьесы примерно на треть — тоже режиссерское дело. Тут выходит так же, как в обыкновенном театре: лучшая импровизация та, что хорошо подготовлена.

Ну а если все складывается идеально, то и выходит тот самый специфический актерский рай, который описала по моей просьбе Лиана Жвания: «Начинать работать на радио трудно. То заплываешь микрофон, то шипишь, то взрываешь согласные. Еще очень важно понять, что тут не сцена, что пауз быть не должно, главное — непрерывность действия. Но это все быстро осваиваешь. И вот тут начинается все самое прекрасное. Потому что такого камерного, интимного отношения с текстом, при этом такой актерской свободы, как на радио, нет больше нигде. Ее нет в театре, а о кино и говорить нечего. Кино — это рабство полное: рабство дублей, рабство перед гримерами, перед оператором, перед режиссером. Кроме того, работа на радио — это встреча с друзьями, с которыми я никогда в театре не сыграла бы. Сергей Лосев, Евгений Тиличев, Вадим Жук — самые любимые мои партнеры. А уж когда одна с текстом остаешься, тут полный восторг. Я вот недавно совсем читала Тэффи, читала „Душечку“. Это невероятное наслаждение. Ну и возможности для актера здесь такие, каких в театре не сыщешь. Много ли Островского играют наши актеры?!»

Что верно, то верно, Лиана Дмитриевна, и десятка пьес отменного драматурга

Актеры мысленно перенесли в Замоскворечье

не наберется во всей городской афише. Это притом что сам Александр Николаевич написал более сорока пьес прозой и восемь белым стихом.

День второй: шумотека

В театре существует понятие «одевать спектакль»: художник работает со сценой и с актерами. Радиоспектакль, как паутиной, окутывается звуками и шумами — они создают объем пространства и наполняют его конкретными предметами, разумеется, виртуальными. Тридцать минут звука — три часа работы.

Никакого чаю в реальной студии не пьют, даже если играют Островского. Для этого у звукорежиссера Алексея Худякова есть шумотека. Тут на слово «стакан» найдется сотня-другая коротких трафиков. На слово «дверь» тоже — она поскрипывает, постанывает, хлопает с разной степенью правдоподобия. Там, где заканчиваются шумы для дверей, начинается коллекция, относящаяся к слову «движение»: «Хайвей, сила ветра такая-то». Но это уже не для Островского. «Мы с Лешей

работаем в том направлении, чтобы было ощущение театральной постановки», — говорит режиссер Светлана Коренникова, которая, конечно, главная из двоих. По ее указке Алексей режет звуковые дорожки, как колбасу, и кусочки одной вставляет внутрь другой. Так у Устрашимова кроме грозных интонаций Александра Васильева появляются шаги Командора и стакан в руке, который он с пугающим стуком опускает на стол.

Пока я терзаю Светлану вопросами, Леша нарезает звук в одиночку, но с пояснениями: «Пытаюсь обозначить, что горничная Бальзаминовых Матрена потопталась и ушла». Но когда дело доходит до музыкальной темы Миши Бальзаминава, без Светланы уже никак: «Давай найдем пастораль, которая была у нас, знаешь, где? В „Капитанской дочке“. Ну-ка подожди, танец дай послушать. Давай попробуем его». Решено. Все действие Мишу — Баранова будет сопровождать приятный танцевальный мотивчик. Поэтому что легкий он человек. Симпатичный. Почти сказочный герой.